

В. В. Умнягин

ВОСПРИЯТИЕ ПРИРОДЫ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОЛОВЕЦКИХ УЗНИКОВ

VYACHESLAV V. UMNYAGIN
NATURE PERCEPTION IN SOLOVSKI PRISONERS' MEMOIRS

В статье описывается комплекс мотивов, которые проявляются в описании природы в воспоминаниях соловецких заключенных. Анализ характеристик образов окружающего мира, выступающих в качестве научного, эстетического, нравственного и духовного феномена, позволяет сделать выводы как о внутренних переживаниях отдельных авторов так и об историческом, нравственном и социокультурном контекстах эпохи.

Ключевые слова: Соловки, Соловецкий монастырь, Соловецкий лагерь, природа, мемуары, ГУЛАГ.

The article describes a variety of patterns manifested in nature description of Solovki prisoners' memoirs. In their texts, nature is portrayed as a research, esthetic, moral and spiritual phenomenon. The analysis of nature characteristics lets the reader make conclusions about the authors' feelings and emotions, as well as about the ethic, social and cultural context of the historical period.

Keywords: Solovki, Solovetsky monastery, Solovki prison, nature, memoirs, GULAG.

**Вячеслав Вячеславович
Умнягин**

Спасо-Преображенский
ставропигиальный мужской
монастырь, Православный
Свято-Тихоновский университет
► Solovki-news@ya.ru

*Научный руководитель:
д-р ист. наук Ю. Л. Ореханов*

История минувшего века, ставшего эпохой тоталитарных форм правления, которые находили свое предельное выражение в тюрьмах и лагерях, это не только скорбный рассказ о жертвах политических репрессий, но и жизнеутверждающее свидетельство о тех, кому в условиях внешней несвободы удалось сохранить собственную индивидуальность и творческое отношение к происходящему. Нередко такие люди оставляли письменные свидетельства, по которым можно судить как о событиях недавнего времени, так и о непреходящих ценностях, составляющих основу человеческой личности и общества.

Не последнее место в этом всемирном наследии занимают материалы личного происхождения, которые повествуют о Соловецком лагере особого назначения (СЛОИ) и тюрьме. Эти пенитенциарные учреждения действовали на островах беломорского архипелага в 1923–1939 гг. и оказали заметное влияние на формирование советской идеологии и системы исполнения наказания, главным механизмом которой стало Государственное управление исправительно-трудовых лагерей. Значительный пласт соловецких источников составляют мемуары, к которым согласно современной классификации принято относить: предназначенные для периодической печати «блиц-воспоминания», «лагерную» прозу, устные рассказы, исторические интервью, а также автобиографические описания и дневниковые записи¹.

Несмотря на жанровое разнообразие (романы, повести, очерки, рассказы, фельетоны, интервью, доклады, статьи), мемуары соловчан содержат ряд сквозных тем (побег, отношения с уголовниками, интеллектуальная и трудовая деятельность, межнациональные отношения и др.), которые раскрывают особенности поведенческих реакций и внутреннего устройства отдельных личностей и целых социальных групп.

Наряду с другими социокультурными срезами можно выделить описания окружающего мира, которые позволяют выявить самые тонкие нюансы мироощущения заключенных. Так, исследователь творчества целой семьи Солоневичей, оказавшейся в Соловках, указывает на различия в восприятии Карелии у 17-летнего Юрия, а также его отца и дяди, которые со всей очевидностью проявились во время их неудачного семейного побега из СССР. «Иван и Борис уже не воспринимали всей прелести природы, ни водопады, ни бурные реки не останавливали их взгляда, у них была только одна цель — Финляндия. В отличие от старших Солоневичей, Юрий в своей повести выступает как натурфилософ, задумываясь над местом природы в жизни человека. Для Юрия природа представляла собой бесконечную стезю, откуда можно черпать вдохновение и идеи. Он находит красоту и романтику в обычных вещах, смотрит на мир совершенно другими глазами. Ранее не виданная Юрием красота поражает его сознание, он пишет о Карелии так, как никогда бы не написали ни Иван, ни Борис...»²

Авторами соловецких мемуаров выступают представители военного сословия и политических партий, священнослужители, ученые и рабочие, профессиональные писатели и театральные деятели, талантливые литераторы, иностранные граждане, представители советской номенклатуры и органов безопасности, бывший уголовник, а также еще около двух десятков очевидцев событий и родственников заключенных, чьи сравнительно небольшие по объему повествования раскрывают подробности жизни на Соловках.

Большинство мемуаристов являлись не только образованными, но и идейными людьми, вполне сознательно страдающими за свои религи-

озные, сословные или политические убеждения. За исключением незначительного числа иностранцев, чьи книги интересны как взгляд несколько отстраненных наблюдателей, соловецкие летописцы вне зависимости от национальности и вероисповедания принадлежали к отечественной культуре, которая неразрывно связана с православной традицией. «Я — еврейка. Я — человек русской культуры. Больше всего на свете я люблю русскую литературу. Еврейского языка не знаю. Религиозность мне чужда»³, — писала О. Л. Адамова-Слиозберг, беспартийная работница одного из советских наркоматов, которая прошла Соловки и Колыму.

На протяжении десятилетий произведения этих людей относились к разряду запрещенной литературы, а сейчас, несмотря на доступность и очевидную художественную и историческую ценность, далеко не в полной мере востребованы широкой читательской аудиторией, которая зачастую довольствуется суррогатами, неспособными передать эмоциональный накал и глубинные интенции участников событий. Так, новизной во многом компилятивного романа «Обитель» З. Прилепина можно считать то, что в нем место идеалов, с точки зрения которых сами заключенные воспринимали и описывали события лагерной жизни, занимает потерявший идеалы, лишенный покрова и содержания человек, от чьего имени писатель рассказывает парадоксальную, но мало что проясняющую и уж совсем неутешительную историю.

Учитывая имеющиеся материалы, Соловецкий монастырь на протяжении пяти лет занимается подготовкой и изданием книжной серии «Воспоминания соловецких узников». В работе над ней в качестве авторов вступительных статей и справочных материалов выступают представители разных гуманитарных наук и академических центров. Совместные усилия отечественных и зарубежных специалистов позволяют раскрыть духовные, нравственные, политические особенности документально-художественной прозы, которая представляет значительный интерес как для рядового читателя, так и для профессиональных библиографов, богословов, историков, культурологов, филологов.

Начать можно с того, что в воспоминаниях соловчан природа нередко выступает в качестве пространства и, одновременно, участницы передаваемых событий. Объясняется это тем, что строительство социализма в Советском союзе ставилось в прямую зависимость от проводимой в стране индустриализации и связанного с ней освоения природных богатств, которое нередко велось силами уголовных и политических заключенных. Соловецкий концлагерь, одно из первых и наиболее известных мест лишения свободы подобного типа, стал преемником Северных лагерей, созданных на территории Архангельской губернии в годы Гражданской войны для массовой ликвидации белого офицерства, сотрудников до-reволюционных режимных учреждений, противников Советской власти и помощников интервентов. Организация летом 1923 года лагеря особого назначения отразила очередной этап развития карательной политики государства и стала заметной вехой в истории архипелага. Соловецкие острова были не только удаленным и хорошо изолированным местом, где по оценке строителей было возможно разместить до 12 000 арестантов, но и территорией богатой строевым лесом, который на протяжении десятилетий служил валютой, столь необходимой для восстановления и последующего развития народного хозяйства СССР. «Можно представить, что творилось на лесозаготовках!»⁴, — писал академик Д. С. Лихачев, передавая соловецкие реалии конца 1920-х гг.

Специфический климат, отсутствие полноценного питания, ненормированный рабочий день, жестокое отношение со стороны лагерной администрации, что согласно официальным отчетам прекрасно осознавали в Коллегии ГПУ-ОГПУ⁵, ставили заключенных на грань выживания. «На Мягострове в 1929 г. содержалось около 300 человек: половина из них работала на территории лагеря, другая — в лесу, — вспоминал А. А. Петров о пребывании в одной из лагерных командировок, расположенной в Онежском заливе Белого моря. — Оставшиеся в нем на ночь по приказу охранников разжигали большой костер. Самих заключенных сгоняли в кучу примерно в шести метрах от огня, где они стояли

всю ночь, не двигаясь и не разговаривая друг с другом. На следующее утро каждый из них получал по 400 граммов посланного из лагеря хлеба, и после этой скудной еды люди должны были продолжить выполнение своей обычной работы на других участках леса. Некоторые заключенные не возвращались в свои бараки в течение многих недель просто потому, что не могли закончить положенный урок в течение дня»⁶.

Ситуация усугублялась тем, что многие представители урбанистической культуры, особенно из числа интеллигенции, склонной к абстрактно-эстетическому восприятию окружающего мира, не имели ни представления, ни физической готовности к такого рода испытаниям: «Никто из нас никогда не занимался тяжелым физическим трудом, никто никогда не пилил леса: мы не умеем ни пилить, ни носить тяжести, — вспоминал публицист Г. А. Андреев, рисуя типичную картину лагерного лесоповала. — Мы задыхаемся, сделав полсотни взмахов пилой; не рассчитав ветра или наклона дерева, мы не можем его свалить: пилу заедает в резе, мы ломаем пилы. Портим мы и ценную, пахучую древесину: деревья расщепляются у нас вдоль, и вместо прекрасного строевого леса мы даем лес, годный только на дрова. Срезанные деревья, падая, повисают у нас на соседних, мы выбиваемся из сил, стараясь повалить их, но это удастся не всегда. Мы режем соседние деревья — они повисают на следующих. Нагородив длинный забор из полусваленных, висящих одно на другом, деревьев, мы безнадежно смотрим на него и готовы опустить руки...»⁷

При этом, находившиеся на Соловках ботаники, гидробиологи, зоологи, орнитологи, так же как и историки, реставраторы, краеведы, не только выполняли возложенные на них трудовые обязанности, часто губительные для природного и культурного наследия архипелага, но, насколько это было возможно, служили делу его изучения и сохранения, усматривая в этом свое высшее предназначение.

Некоторые из тех, кому удалось выжить, продолжили эту деятельность на свободе. «Все мое прошлое подготовило меня к вступлению в ряды защитников природы: юность, связанная с дерев-

ней, охота и — крепче всего — годы, научившие видеть в окружающем мире живой природы утешение и прибежище, нечто, не причастное человеческой скверне»⁸, — сообщал в этой связи писатель О. В. Волков, одновременно упоминая спасительное значение природы в жизни каторжан.

О том же прямо свидетельствовал и Д. С. Лихачев («душевное здоровье на Соловках помогла мне сохранить именно природа, а точнее постоянный пропуск на выход из Кремля»⁹), для которого, как видно из приведенной цитаты, природа ассоциировалась в первую очередь с бегством от удушающей атмосферы «мертвого дома». Но даже в отсутствии хотя бы относительной свободы, окружающий мир нередко становился для мемуаристов источником позитивных эстетических переживаний. «Какие дивные там зори! Какой чистый воздух! Какое море, все время меняющее на себе в хорошую погоду самые нежные краски ... А кто опишет красоту летней ночи соловецкой, нежнейшие переливы красок заката и восхода солнечного?»¹⁰, — вспоминал красоту здешних мест протоирей Анатолий Правдолюбков, который двадцатилетним юношей попал в лагерь в середине 1930-х гг., и относил события того периода своей биографии к числу самых отрадных.

Вид северного пейзажа оказывал благотворное действие и на души вполне сформировавшихся людей, что следует из примера О. В. Второвой-Яфы, которая летом 1929 года в возрасте 53 лет была доставлена на Соловки по «делу» религиозного философа А. А. Мейера. Созерцание гранитных глыб, «бараньих лбов», поросших мхом и лишайником, торфяных болотцев, пестревших шелковистой пушицей, карликовых березок и тонких сосенок, полей вереска и иван-чая, ставших любимыми еще по предыдущим путешествиям по Русскому северу, возродило во время лагерного этапа то сокровенное, что, казалось, было забыто и навсегда уничтожено пребыванием в неволе. «Только тут я впервые поняла, осмыслила, что еду в родные моему сердцу места, которых я не видела более десяти лет. И сразу же, как только я это осмыслила, из моего сознания выпали и мои спутники, и конвой, и только что пережитые полгода тюремного заключения, и, наобо-

рот, как совсем недавнее и живое, встали передо мной мои князегубские, ковдские, кандалакшские и соловецкие воспоминания... <...> в первый раз со дня своего ареста я обрела способность плакать — и плакала стихийно, неудержимо, как стихийно, неудержимо несутся из-под внезапно вскрывшегося льда вешние воды <...> постепенно мне теплее и легче становилось на сердце, точно, благодаря этим обильным, безотчетным слезам, смягчалось и разряжалось мучительное-напряженное душевное оцепенение, так долго мной владевшее, — и я опять нашла себя, свою подлинную, неизменную сущность»¹¹.

Передавая первое впечатление от вида обители, как бы вырастающей из глубины окружающего ее острова, русский морской офицер финского происхождения Б. Л. Седерхольм писал о том, что «несмотря на всю мерзость запустения лагеря, бывший монастырь поразительно красив. Среди зелени хвойных лесов мелькают разбросанные там и сям маленькие беленькие часовенки с ярко зелеными коническими крышами»¹².

Усиливая восприятие архипелага как духовного центра России, Д. С. Лихачев высказывал мысль о том, что «природа Соловецких островов словно создана между небом и землей <...> На Соловках все говорит о призрачности здешнего мира и о близости потустороннего...»¹³

Метафизическое осмысление и толкование образов природы встречается у самых разных авторов, и, как это будет показано ниже, может носить как положительную, так и отрицательную окраску. В книге Б. Н. Ширяева, которая посвящена художнику М. В. Нестерову, сказавшему писателю в день получения приговора: «Не бойтесь Соловков. Там Христос близко», лес выступает в качестве доброго начала, освященного благочестием подвизавшихся здесь святых, чьи молитвы и труды восстанавливали совершенство первоизданного мира, свободного от греха и происходящих от него насилия и смерти. «Дебря соловецкая мирная, — писал автор, пересказывая в своем автобиографическом произведении известный сюжет монастырского жития. — Святитель Зосима вечный пост на нее наложил: убоины всем тварям лесным не вкушать, а волкам, что не могут без го-

рячей крови живыми быть, путь с острова указал по своему новгородскому обычаю. Волки послушались слова святителя, посадили весной на пловучие льдины и уплыли к дальнему Кемскому берегу»¹⁴.

Даже во времена, когда на Соловках проливалась невинная кровь, лес в «Неугасимой лампаде» продолжал оставаться местом скорее доброжелательным по отношению к человеку и, насколько это возможно, ограждающим его от окружающего зла. Именно здесь находилась землянка последнего схимника, изгнать которого не решился даже начальник лагеря; в лесу скрывался беглый контрабандист, поймать которого не могла вся лагерная охрана; на лесоповале, ставшим местом исхода души, в последние мгновения жизни принес покаяние уголовник-рецидивист.

Левитановский, как характеризует его сам автор, пейзаж соловецкого леса навевал известному богослову, психиатру, публицисту И. М. Андреевскому «тихую грусть, растворенную в тихой духовной радости Богородичного праздника»¹⁵.

Литургическая тема в воспоминаниях соловчан нередко пересекалась с восприятием окружающего мира как храма Господня, особенно там, где встречались упоминания катакомбных «храмов» («Кафедральный собор» во имя Пресвятой Троицы, храм святителя Николая Чудотворца), становившихся местом незримого, но явного присутствия Бога. «Первый представлял собою небольшую поляну среди густого леса в направлении на командировку „Савватьево“. Куполом этого храма было небо. Стены представляли собою березовый лес... — уточнял место расположения и внешний вид лесных церквей И. М. Андреевский. — Храм же св<я>тителя Николая находился в глухом лесу в направлении на командировку „Муксольма“. Он представлял собою кущу, естественно созданную семью большими елями... Чаще всего тайные богослужения совершались именно здесь, в церкви св<я>тителя Николая. В „Троицком же Кафедральном соборе“ богослужения совершались только летом, в большие праздники и, особенно торжественно, в день св<я>той Пятидесятницы»¹⁶.

Развернутую картину катакомбных богослужений воссоздал в своих воспоминаниях О. В. Волков, бывший непосредственным участником описанного события начала 1930-х гг.: «...на небольшой полянке, укрытой молодыми соснами, собиралась кучка верующих. Приносились хранившиеся с великой опаской у надежных и бесстрашных людей антиминс и потребная для службы утварь. Отец Иоанн надевал епитрахиль и фелонь, мятую и вытертую, и начинал вполголоса. Возгласия и тихое пение нашего робкого хора уносилось к пустому северному небу; его поглощала обступившая мшарину чаща...»¹⁷

Как видно из приведенных отрывков, в представлении верующих людей не только лес, но и небо превращалось в часть нерукотворного храма. Охватывая землю, покрывая невзгоды и страдания живущих на ней людей, небосклон напоминал о Горнем мире, откуда приходили утешение и ответы на самые важные вопросы о личной судьбе и судьбах Отечества. «Была ранняя весна, начался рассвет, — писал в эпилоге своей книги боевой офицер, узник двух десятков советских тюрем Ю. Д. Бессонов, передавая эмоциональное состояние, которое возникло у него после ночной беседы с верующим заключенным. — Солнышко еще не встало, но его первые холодные розовые лучи уже охватили восток, и черным, резким, как будто вырезанным силуэтом выделялась на нем вышка, а на ней часовой... Хорошо, легко, по-новому было на душе... „Вот она — новая весна, новая заря России“, — понял я тогда»¹⁸.

Архиерей из повести «Мать Вероника», уже цитируемой выше О. В. Второвой-Яфы, спрашивал у главной героини: «Вы видели, какая звездная ночь была сегодня? С моего места у окна так хорошо виден весь небесный купол, и море под ним до самого горизонта, и склон горы с братскими могилами анзерских страстотерпцев. Я лежал и молился, глядя на звезды. И вдруг вижу — они медленно перемещаются, образуя как бы венцы, и приближаются к земле — ниже, ниже, все ярче разгораясь. И тихая музыка, словно далекий хор невидимых ангелов, разрастаясь, так торжественно звучала под необъятным небесным сводом. А звездные кольца спустились до самой земли

и остановились, словно повисли, но ведь и все, что мы видим, мы видим только постольку, поскольку Господь в своей безграничной благодати пожелает нам открыть. Мир невидимый необъятнее, да и реальнее мира видимого, хоть и недоступен нашему наблюдению»¹⁹.

Своеобразным гимном природе, как оружию Божественного промысла, вдохновляющего и укрепляющего человека на пути страданий, можно также считать воспоминания протоиерея Валериана Кречетова о своем отце священнике Михаиле Кречетове, который молодым человеком в 1927–1931 гг. отбывал наказание в Кемском пересыльном пункте СЛОНа и непосредственно на Соловках. «„Был закат, я смотрел на море... И вот небо открылось и закрылось. Я увидел тот мир. Он был более реальный, чем наш“. Это свидетельство отца, как Господь давал откровения в тех местах. Господь подкреплял верующих, бывших в заключении, давал откровения»²⁰.

Вместе с тем соловецкая природа отражала не только бытийственную составляющую Божьего мира, но и трагическую дихотомию лагерного бытия: «...здесь — большой природный Рай, но одновременно большой Ад для заключенных всех рангов, сословий, всех населявших Россию народов!»²¹, — писал Д. С. Лихачев.

Хотя «в климатическом отношении Соловки напоминают курорт: мягкий климат, умеренно влажный воздух, очень чистый и незараженный, изобилие лесов, красивые побережья, хорошая устроенность всей территории острова. Но, очевидно, для душевного равновесия физических условий все же не достаточно»²², — признавался в феврале 1937-го священник Павел Флоренский, указывая в письме к родным на царившую в лагере обстановку, действие которой могло накладывать негативный и даже демонический отпечаток на самые величественные проявления природы.

«Любоваться природой, а она на Соловках удивительно фантастически красива в любое время года, не было ни у кого ни желания, ни силы, — вторил именитому ученому и богослову слесарь С. В. Щегольков, который находился в лагере с 1933 по 1938 г. — Передвижение по территории ограничено, человек знает работу

и барак. Да когда еще ждешь, что тебе добавят срок или поведут на Секирную гору (штрафной изолятор, место массовых расстрелов. — В. У.), тут не до духовной пищи»²³.

В повести Г. А. Андреева, хотя она и начинается с лирического описания соловецкой осени, лес приносит не только утешение, но «полон призраками, грозящими, усиливающими тоску в груди...»²⁴

Тот же автор, характеризующий себя как неверующего человека, в другом месте писал о том, что «тучи плотно закрыли небо, они заменяют его нам. И не пробить их холодной безучастности той скорби, тому немому призыву, что обращен к небу из всех этих старых и новых могил»²⁵.

Похожий пассаж, передающий равнодушное отношение стихии к человеческим страданиям («бледное северное небо, такое чистое и спокойное, и такое далекое от боли и мук людей»²⁶), встречается в романе Б. Л. Солоневича, отбывавшего соловецкий срок в середине 1920-х гг. В глазах скаут-мастера природа становилась игрушкой inferнальных сил «на месте, где пятьсот лет чувствовалось дыхание Всевышнего, теперь лилась кровь невинных, и дьявол, ликуя, плясал свою пляску смерти...»²⁷

Подобно Б. Л. Солоневичу, подавляющее большинство мемуаристов вне зависимости от своих политических и религиозных убеждений рассматривали пребывание в лагере как сходение в ад, что, во-первых, свидетельствовало об их принадлежности к общей культурной и, в конечном счете, библейской традиции, а во-вторых, откладывало отпечаток на восприятие и взаимоотношения с окружающим миром.

В церковном сознании враждебность природы по отношению к человеку и его изгнание из Рая являются одномоментным событием, которое было прямым порождением греха (Быт. 3: 17–19). По мере его умножения, которое выражается в отступлении от духовных и нравственных законов мироздания, окружающий мир все больше становится пространством страданий, а человек, не предпринимающий усилий по примирению с Творцом, превращается из возделывателя и хранителя (Быт. 2: 15) в потребителя и жертву созданного Им мира.

Пожалуй, один из наиболее мрачных образов лагеря, который свидетельствует о богооставленности и одновременно страхе перед явлениями природы, можно найти в недавно опубликованных мемуарах анархиста К. Л. Власова-Уласса. Предел отчаяния выражен здесь в образе заходящего Солнца, которое, будучи символом и источником жизни, напоминает автору «о гибельности существования, окрашивая небо и море в кровавый цвет („кровавый диск медленно, погружался в воды Белого моря“, „тучи, окрашенные в кровавый цвет заходящим солнцем“)²⁸.

Описания окружающего мира, нередко встречающиеся на страницах воспоминаний соловецких узников, раскрывают особенности их мировоззрения и мироощущения. Они указывают на то, что взаимоотношения с природой выступают в качестве важного элемента внутренней жизни и становятся источником глубоких эстетических и духовных переживаний, которые, в свою очередь, могут носить как положительную, так и отрицательную окраску.

Последнее соответствует дохристианским традициям, в которых, с рядом оговорок, видимое воспринималось как нечто враждебное по отношению к человеку, подобно платоновскому образу тела как темницы души. В христианстве с его верой в освящение земной материи в Ипостаси Иисуса Христа утверждается возможность обожения вещественного через действие Божественных энергий. Материя, которая, по мнению А. А. Ухтомского, «дана для упражнения свободы»²⁹, перестает в таком случае быть препятствием на пути к Богу, но становится камертоном, настроивающим на общение и отображающим отношение человека к Творцу и созданному им миру.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Источниковедение: Теория. Историография. Метод. Источники российской истории / Под ред. И. Н. Данилевского и др. М., 2000. С. 638–640.

² *Сойни Е. Г. С. Утопический проект Юрия Солоневича // Север. 2011. № 1/2. С. 83.*

³ *Адамова-Слиозберг О. Л. Путь. М., 1993. С. 227.*

⁴ *Лихачев Д. С. Воспоминания. СПб., 1995. С. 183.*

⁵ Доклад Коллегии ГПУ начальника Юридического отдела ГПУ В. Д. Фельдмана о результатах обследования Северных лагерей ГПУ от 20 сентября 1923 г. // Репрессированная ин-

теллигенция. 1917–1934 гг.: сб. ст. / Под ред. Д. Б. Павлова. М., 2010. С. 376–381; Из доклада Особой комиссии по обследованию Соловецких лагерей под председательством секретаря Коллегии ОГПУ А. М. Шанина Коллегии ОГПУ о положении заключенных в Соловках. Начало мая 1930 г. // Там же. С. 385–393; Из свидетельских показаний о насилии и издевательствах над заключенными, данных комиссии А. М. Шанина заключенным СЛОНа, бывшим сотрудником ВЧК // Там же. С. 393–395 и след.

⁶ *Петров А. А. Соловки: живое кладбище / Пер. с англ., вступ. ст., коммент. свящ. В. Умнягин // Север. 2014. № 1/2. С. 221.*

⁷ *Андреев Г. А. Соловецкие острова (1927–1929) // Воспоминания соловецких узников. Т. 3. Соловецкий монастырь, 2015. С. 153–154.*

⁸ *Волков О. В. Погружение во тьму. М., 1989. С. 451.*

⁹ *Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 172.*

¹⁰ *Правдолюбов А., прот. Соловецкие рассказы. М., 2008. С. 24.*

¹¹ *Второва-Яфа О. В. Авгуровы острова // ВСУ. Т. 3. С. 389–390.*

¹² *Седерхольм Б. Л. В разбойном стане: Три года в стране концессий и «Чеки» (1923–1926) // Воспоминания соловецких узников. Т. 1. Соловецкий монастырь, 2013. С. 676.*

¹³ *Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 173.*

¹⁴ *Ширяев Б. Н. Неугасимая лампада. Соловецкий монастырь, 2012. С. 32.*

¹⁵ *Андреевский И. М. Православный еврей-исповедник // ВСУ. Т. 3. С. 318.*

¹⁶ *Андреевский И. М. Епископ Максим Серпуховской (Жижиленко) в Соловецком концентрационном лагере // Там же. С. 339–340.*

¹⁷ *Волков О. В. Указ. соч. С. 4–5.*

¹⁸ *Бессонов Ю. Д. Двадцать шесть тюрем и побег с Соловков // ВСУ. Т. 1. С. 514.*

¹⁹ *Второва-Яфа О. В. Мать Вероника // ВСУ. Т. 3. С. 482.*

²⁰ *Кречетов В., прот. «Только служить Богу. Больше ничего не просил». — URL: <http://www.pravoslavie.ru/put/67935.htm>*

²¹ *Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 174.*

²² *Флоренский П. А., свящ. Соч.: в 4 т. Т. 4: Письма с Дальнего Востока и Соловков. М., 1998. С. 670–671.*

²³ *Щегольков С. В. Небольшое повествование о том, как советская власть и партия ВКП(б) сделали меня «государственным преступником-террористом», который готовил покушение на жизнь товарища Сталина. М., 1999. С. 10.*

²⁴ *Андреев Г. А. Указ. соч. С. 118.*

²⁵ Там же. С. 122.

²⁶ *Солоневич Б. Л. Тайна Соловков // Воспоминания соловецких узников. Т. 2. Соловецкий монастырь, 2014. С. 435.*

²⁷ Там же. С. 433.

²⁸ *Умнягин В., свящ. «Я не могу допустить, чтобы человек так обращался с человеком»: неизвестные воспоминания о побеге из Соловков // Соловецкий сборник. 2014. №10. С. 171–172.*

²⁹ *Ухтомский А. А. Доминанта души. Рыбинск, 2000. С. 262.*